



Галина Одинцова

Галина Леонидовна Одинцова родилась в Спасске-Дальнем Приморского края. Образование высшее педагогическое. До 1996 года работала в органах народного образования Москвы, Алма-Аты. Учитель-методист, автор нескольких изданных пособий по методике обучения и воспитания. В настоящее время — предприниматель.

В 2007 году в Благовещенске в издатель-

стве «Ладыгин дизайн» вышел сборник её стихов «Четыре сезона любви».

Галина Одинцова — победительница открытого международного поэтического конкурса «Золотая строфа», её стихи вошли в первый выпуск альманаха «Золотая строфа 2009».

Рассказы. Стихи

Мама

Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год. Мне шесть лет, брату пять. Утром сквозь сон слышу, как отец, уходя на полёты, говорит маме, что хочет пригласить однополчан-лётчиков на своё тридцатилетие.

— Ты приготовь тут всё. Пирожков испеки, стол собери. Давно на тебя хотят посмотреть...

Мама нагрела бак воды, налила в ванночку алюминиевую. Накупала нас с братом по очереди и приказала:

— Сидите на кровати и не мешайте. К папке гости придут, готовиться буду!

Мы сидели на солдатской кровати с растянутой пружиной, как в гамаке, листали потрёпанные книжки, дрались по разным причинам, а мама готовилась к приходу гостей.

Намочила пол, посыпала содой, затем ножиком выскребла его до белизны.

Натёрла картошку на тёрке, отжала и слила в тарелку крахмал. В тазик с водой вылила кипяток с крахмалом и замочила там две солдатские простыни.

Накалила на печке утюг — и влажные простыни прогладила до глянца. Разложила одну простыню на полу, взяла карандаш химический и, макая его в воду, нарисовала на простыне потрясающие ромашки. Получилась скатерть.

Разрезала вторую простыню на квадраты и в уголке каждого квадрата нарисовала такие же ромашки. Получились салфетки...

Тесто, которое уже вылезало из ведра, быстро превратила в пирожки с повидлом и засунула их в духовку.

Газетами протёрла два наших маленьких окошка. Полила цветок, поставила его на середину стола.

Намотала на тряпичные полоски газетные валики и закрутила на них волосы. Сняла свои розовые хлопковые трусики, простирнула их в ванночке и, положив в вафельное полотенце, плотно отжала, затем ещё раз и ещё, досуха, и, на ходу надев их, достала из духовки пирожки, выложила на большую тарелку горкой и накрыла белым полотенцем.

Надела чулки «со швом» из коричневого капрона. Встала в ванночку, в которой нас купала, тщательно промыла ноги в чулках — чтобы капрон хорошо их обтянул, вытерла досуха вафельным полотенцем, а полотенце простирнула и вынесла во двор, развесила на верёвке.

Почистила картошку, поставила варить. Разделала селёдку, нарезала на мелкие кусочки, посыпала лучком и полила маслом. Нарезала хлеб, положила огурцы из банки.

Сняла «бигуди», нарисовала карандашом брови и поставила на щеке чёрную «мушку». Это было очень модно.

Надела платье сорокового размера, затянула пояс, подложила в бюстгалтер кусочки ваты. Села ждать... Мы тоже, наевшись пирожков, ждали затаив дыхание.

...Прошло пятьдесят лет. По сей день отец помнит, как восхищались его женой, — такой чистоты и красоты никто из его сослуживцев никогда не видел и такой вкуснятины не пробовал...

Мел

Соседка пришла знакомиться первой. Молодая, весёлая, приветливая, в ярком халатике, прошлась по квартире. Здесь всё ей понравилось. На хозяина дома она не обращала особого внимания, только кокетливо назвала ему своё имя. Муж недовольно что-то буркнул и ушёл в спальню.

Жена пригласила соседку на кухню и угостила чаем. А что ещё было делать — не выгонять же.

Квартира была новой. Собрали все возможные и невозможные средства и силы, чтобы приобрести её! Сделали ремонт, купили немного самой необходимой мебели — на этом деньги кончились. Но жизнь продолжалась. Муж много работал, дома бывал редко, поужинав, ложился смотреть телевизор и засыпал...

Соседка стала приходить в гости, чаще по пятницам. Приносила сухое вино, и они болтали, попивая его. Муж никогда в их посиделках не участвовал, но и не мешал им.

После этих посиделок у жены наутро всегда болела голова, вставала она поздно и до обеда была разбитой, но мужу не жаловалась: сама же вино пила, никто не заставлял — но не откажешь ведь приветливой соседке!

Как-то на работе пожаловалась сотруднице, умной и близкой подруге, что соседка, как вампир, тянет из неё энергию, после общения с ней ей всегда наутро плохо, спит без задних ног, до обеда как варёная. Подружка странно на неё

посмотрела, задумалась, а вечером забежала к ней в гости, принесла пакет с мелом и велела спрятать его в ванной.

— Будем беса твоего изгонять, — твёрдо сказала она. — После ухода соседки раствори мел в небольшом количестве воды, намочи тряпку, крепко не выжимай, постели в прихожей перед дверью и ложись спать. Утром позвонишь — скажу, что делать дальше.

Соседка, как всегда, заглянула в пятницу. Весёлая, нарядная, рассказала несколько анекдотов, угостила шампанским, похвалила хозяйку за гостеприимство и убежала.

Хотелось спать и не хотелось исполнять наказ подружки, но та вдруг позвонила и, узнав, что соседка была, заставила всё сделать, как наказывала.

Жена проснулась, как будто кто-то толкнул. Посмотрела на часы — восемь. Суббота, такая рань. Муж рядом громко сопел и блаженно улыбался во сне. Встала, пошла на кухню. Болела голова. Умылась, приняла аспирин. Посидела, выглянула в окно — никого. Суббота...

Набрала номер телефона подруги. Не хотелось её будить, но она сама приказала. Изгоняем беса...

— Открой дверь и выгляни на площадку, — коротко велела подруга и положила трубку.

Жена медленно пошла к двери. Сердце громко застучало, закружилась голова. «Может, не надо?» — мимоходом подумала она — и открыла дверь...

От ещё мокрой тряпки, постеленной у входа, через всю площадку к двери соседки вели белые следы мужского размера.

Она равнодушно повернулась, прошла в спальню, подняла тапочки мужа. Подошва его тапочек была белой...



ШАЛЬНЫЕ БОСОНОЖКИ

А звонкие ступени мчатся вслед...

Я сбросила шальные босоножки.

Не видела тебя я столько лет!

Хочу побыть с тобой!

Ещё!

Немножко...

P. S.

Промчатся годы.

Жизни вопреки

Мне позвонишь:

Увидеть снова хочешь!..

Забыл — давно мы старики,

Уж не ношу шальных я босоножек.

По лестнице кряхтя к тебе спущусь
И обниму костлявыми руками.
Скажу: всю жизнь я по тебе грущу
И помню всё, что было между нами.
А ты, на полусогнутых ногах
И опершись на палочку изящно,
Мне скажешь:
Счастлив, как на небесах,
Соскучился я по тебе ужасно!..

И будем согревать свои тела
Оставшейся от прошлого любовью.
Я знаю,
Кем я для тебя была.
Ты тоже знаешь.
И мы вместе снова...

Мы перестаём любить себя,
когда перестают любить нас...

Жермена де Сталь

Когда меня ты просто бросил —
Весь мир померк,
Весь умер мир!
Была зима.
В деревьях проседь.
Исчез мой друг,
Исчез кумир.
Не захотелось жить сначала.
Не захотелось просто жить.
И в ванной высохла мочалка,
А для кого себя мне мыть?
Бельё простецкое купила.
Забыла зеркальце —
Но где?
Весь мир стал серым и унылым.
Живу сама в своей беде.
Не стала бегать в магазины,
Искать наряды для тебя.
Оделась только в тёмно-синий.
Живу.
Живу ли?
Не любя...

Я сегодня слушала снег.
Он пронзительно тих
И спокоен.
Веет вечностью и покоем.
Исчезает времени бег.

Я сегодня слушала снег...

Шёпот мягких снежинок, их смех.
Озорство и игра в догонялки,
Хвастовство, бриллиантовый блеск —
Это миг, удивительно яркий!
И привал.
Закончен забег.

Я сегодня слышала снег
И ладони ему подставляла,
И снег плакал.
А я умирала,
Что такой совершила я грех.

Я сегодня слышала снег...

Когда мы без любви остались,
Растратив попусту сей клад,
Над тенью лишь её смеялись,
Привычно бились об заклад,
Что наша птичка-канарейка
К нам не вернётся никогда...
Любви осталось на копейку.
На что потрачены года?

По стенам — счастья лишь заплатки
Через стекло на нас глядят.
Мои заложены закладки
В журналах — где и что едят...

Витают в воздухе обрывки
Привычных и дежурных фраз,
А из шкафов торчат ошибки,
Проделанные сотни раз.

И настезь форточка открыта,
Запутался в ней старый тюль.

До дна тоска моя испита.
А на дворе парит июль.

Сознательно ушедшая любовь,
Обиженно взмахнувшая крылами,
Уж не вернётся она больше.
Кровь
Не взбудоражит горькими слезами.
Не прикоснётся лёгким ветерком
К нам поутру,
Взметнув из шёлка шторы.
Совсем исчезла,
Нет её оков.
Закончились признания и споры.
И кофе утренний прогорк,
И аромат
уже так сладко не тревожит нервы.
Не виновата я.
И ты — не виноват.
Но выстрел произвёл в любовь кто первый?

Безвременно ушедшая любовь
Стонала на прощание, рыдала,
Пыталась сколько раз вернуться вновь!
Но не вернулась.
Видимо, устала...

А голуби снег клевали —
Подтаявший, с крошками хлеба.
Наевшись, они взлетали
В весеннее синее небо.
И в небе они кружились,
Радуюсь солнышку ясному:
Зиму уже пережили,
А скоро и лето красное!
Вот так всё и в жизни — циклами.
Сумеем догнать?..
Едва ли!..
В снег крошки ребёнок сыпал.
А голуби их клевали...

Я тебя навсегда ненавижу!
Я тебе навсегда не люблю!
Я куплю себе стройные лыжи,
Я себе воздух, небо куплю
И умчусь от тебя подальше,
В вихре снежном умру, утону!
Я не знаю,
Что делать мне дальше.
Как мне жить,
Чем дышать — не пойму.
Я тебя навсегда ненавижу...
Я тебя навсегда не люблю...
Почему же опять мне снишься?
Отпусти меня, Богом молю!..

Не помогут мне воздух и лыжи,
И лекарств от любви не куплю.
И теперь я себя ненавижу,
Что никак тебя не разлюблю!

Проснулось утро,
И проснулась я.
Зима.
Так за окном темно ещё и тихо.
И вспомнила слова я бабушки своей:
— Не суетись и не буди ты Лихо!
Не ссорься с близкими, добрее будь,
Зла не держи на прошлые обиды,
Про всё плохое ты с утра забудь,
Прости их всех — тех, кто тебя обидел.
И день пиши свой с чистого листа,
Всё заново начни,
Люби и смейся...
Слова запали в душу неспроста.
Я помню их,
И верю им я с детства.
Зима.
Поснулось утро.
Красота!
А те слова — от боли в сердце средство...